

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

Газета православного
Прихода храма свято-
го великомученика и
целителя Пантелеимо-
на поселка

КУЗЕДЕЕВО

Издаётся по благо-
словению Высоко-
преосвященнейшего
Аристарха, митропо-
лита Кемеровского и
Прокопьевского

№ 47
АПРЕЛЬ
2013 г.

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ, И ТЬМА ЕГО НЕ ОБЪЯЛА. (ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА ГЛ. 1, СТИХ 5.)

В номере:

- ◆ Благовещение Пресвятой Богородицы с.2
- ◆ Крестопоклонная неделя с.2
- ◆ Оптинский старец с.3
- ◆ Из книги «Несвятые святые» с.4
- ◆ Притчи с.4
- ◆ Вера Церкви с.5-6
- ◆ История Православной Церкви с.7-8

Величание:

Архангельский глас вопиет Ти, Чистая: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою.

О Благовещении Пресвятой Богородицы

(Митрополит Кирилл. Слово пастыря. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004.)

Хронологически, и по существу Новозаветная история начинается не с Рождества Иисуса Христа, а с Его Матери — Пресвятой Девы Марии.

Древние письменные источники о Ее жизни неизвестны, и все сведения о Деве Марии почерпнуты из устного предания, существовавшего в первых христианских общинах. Это предание утверждает, что Дева Мария происходила из рода Давидова и являлась дочерью благочестивых Иоакима и Анны. Девочка была поздним ребенком, дарованным им Господом в весьма преклонные лета по их горячим молитвам, и потому Ее рождение родители восприняли как великое чудо и милость Божию. Следуя иудейскому обычаю, они решили посвятить Ее Богу. В те времена многие дети воспитывались при храме, а подрастая, несли здесь определенные обязанности и послушания. В трехлетнем возрасте младенец Мария взшла по ступеням Иерусалимского храма, поручая Себя милости Божией.

События рождества Девы Марии и введения Ее в храм имеют для христиан большое значение, и потому Церковь почитала их особо торжественным празднованием. Как известно, церковный год начинается 1 сентября, и первым большим праздником новолетия является Рождество Пресвятой Богородицы (по новому стилю 21 сентября). А 4 декабря (по новому стилю) празднуется Введение во храм Пресвятой Богородицы.

Мы ничего не знаем о раннем периоде жизни Девы Марии. Достигнув известного возраста, Она была обручена с

пожилым человеком по имени Иосиф, плотником из галилейского города Назарета. Иосиф был не мужем Марии, но обручником и хранителем Ее девства, ибо посвященной Богу девушке надлежало пребывать в чистоте и целомудрии.

Говоря о том, что для спасения рода человеческого Бог избрал особое средство — Богочеловечество, мы ранее уже подчеркивали, что в этом средстве как бы соединяются два начала. Прежде всего, это Божественное присутствие и Божественное всемогущество, ибо только во власти Творца было положить предел действию первородного греха, возвратив человечеству благодать, исходящую от Отца Небесного. Другой составляющей спасения является свободная воля самого человека, ибо без его действительного соучастия в деле искупления греха спасение не имело бы достоинства добровольного выбора. Было чрезвычайно важно, чтобы потомки Адама и Евы сердцем откликнулись на призыв Бога, ответив Ему: мы согласны на то, чтобы обрести спасение, дарованное Тобой, и готовы вместе с Тобой участвовать в этой тайне. Такое согласие от имени рода человеческого произнесла Дева Мария.

Это событие именуется Благовещением — по-гречески «Евангелизмус», то есть «Благая весть». Вот что рассказывает об обстоятельствах Благовещения Евангелие от Луки:

«Послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский,

называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие.

И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца.

Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое

наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово.

Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел» (Лк. 1. 26–38).

Эти слова: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову Твоему», — не только выражают кроткую готовность Девы Марии принять возвещенное ей Ангелом, но и являются формулой согласия рода человеческого на соработничество Богу в деле спасения.

Это согласие Девы Марии не следует воспринимать как ограничение свободы людей Ее личным произволением. Действительно, Дева Мария выступает перед Богом от имени всего человеческого рода. Однако данное Ею согласие не может рассматриваться как покушение на чью-то свободу, ибо каждый, кто свободно принимает Христа, становится соучастником спасительного Божественного действия лично, по своей воле и через собственное усилие. Таким образом, в событии Благовещения реализуется наша собственная свобода выбора.

Известно также скептическое отношение иных людей к чуду бессеменного зачатия неискосомужной Девой. С точки зрения науки и нашего человеческого опыта бессеменное зачатие представляется невозможным. Но ведь Бог есть Творец мира с его физическими

законами, и потому невозможное для нас не является невозможным для Него. В этом смысле наши знания и представления носят условный характер: когда мы говорим, что чего-то не может быть, то исходим из представлений и реальности, соприродных нашему, человеческому миру. Но, как прекрасно выразился святой Андрей Критский в своем Великом покаянном каноне, «Бог идеже хочет, побеждает естества чин: творит бо елика хочет» (Богородичен 4-й Песни).

Наше отношение к Благовещению, к непорочному зачатию Пресвятой Девой Сына Божия должно характеризоваться одним словом: благоговение. Нам следует благоговейно верить в то, что Божия Мать, по словам святого Амвросия Медиоланского, и после того, как зачала во чреве, осталась Девой, и после того, как родила, осталась Девой. Такова вера Церкви. Как говорит святитель Иоанн Златоуст, «Дух Святой засиял в чистом зеркале, в непорочном теле Девы, образовав совершенно Человека не по закону природы... не из человеческого семени, но... неизъяснимо исткав в ней Зародыш, словно некую ткань, для спасения людей».

Скрытая здесь великая Божественная тайна не обнаруживает себя ни в человеческом разуме, ни в знаниях, ни в воображении. Стать сопричастником ее возможно только силой веры, ибо содержание, значение и реальность этой тайны открываются нам в религиозном опыте.

<http://azbyka.ru/hristianstvo/>

О ТЕРПЕНИИ. НЕДЕЛЯ КРЕСТОПОКЛОННАЯ

архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

В Евангелии от Луки читаем глубоко важное слово Христово: "...терпением вашим спасайте души ваши" (Лк. 21, 19). О, Господи наш, Господи! Что говоришь Ты! Неужели так огромно, так безмерно значение добродетели терпения, что она может даже спасать души наши?

Если, по слову Христову, так спасительно терпение, то его можно поставить рядом с царицей всех добродетелей — смирением, рядом с кротостью, и надо нам глу-

боко вдуматься в слово Господне о терпении. Постараемся же по мере нашего слабого ума понять значение слов Христовых. Для этого нам нужно вспомнить, что человек состоит из духа, души и тела, и что все тяжелое в жизни нашей — болезни, скорби житейские, обиды и оскорбления — все переносим мы этим трехчастным естеством нашим — и духом, и душой, и телом. Физические боли, страдания от болезней воспринимаются, нередко в сильнейшей степени, душой и духом нашими. Наш мозг и вся нервная система заведуют всеми нормальными и болезненными процессами в теле нашем, регулируют и координируют их. А дух наш властвует и над душой.

В житиях святых мучеников Христовых мы с изумлением читаем, как легко и спокойно переносили они невообразимо страшные мучения и пытки. Это непонятно материалистам, и они считают это баснями, а мы знаем, что дух мучеников, пламеневший безмерной верой во Христа и любовью к Нему, имел огромную власть над телами их и мог могущественно смягчать их страдания.

Знаем, что в современной медицине немалую роль играет так называемая психотерапия, т.е. словесное, психическое воздействие на больных, нередко могущественно и благотворно влияющее на течение болезни. Если так велико и благотворно было воздействие терпения святых на их мучения, то неверие, ропот на Бога, вопли и крики грешных людей только усиливают страдания их.

А нам, христианам, когда постигнет нас мучительная болезнь, и прежде всего вспоминаем мы о врачах и лекарствах, не лучше ли первым делом вспомнить о долготерпеливом Господе нашем Иисусе Христе, Которого пророк Исаия называет Мужем скорбей и изведшим болезни?

То же скажем и о перенесении обид. Умеем ли мы, как должно и угодно Богу, переносить наносимые нам обиды и оскорбления? О нет, к стыду нашему, нет. Даже в нашей христианской среде видим мы, как часто бывает, что не стяжавшие добродетелей смирения и терпения отвечают на обиду обидой, на оскорбление — оскорблением. И ссора все больше и больше разгорается и доходит до

драки, и даже кровопролития.

А молчаливое, спокойное перенесение обид всего лучше защищает от обидчика. Ничто так не удерживает

обижающих, как кроткое терпение обижаемых.

Терпящих обиды защищает Бог. Да, следует брать пример с большинства наших современников, придающих большое значение укреплению и усилению тела физкультурой. Но нам нужно неустанно заботиться не столько о культуре тела, сколько о совершенстве духа, в котором большая роль принадлежит упражнениям в терпении, в безропотном терпении даже тяжелых болезней, в благодушном перенесении обид и оскорблений, в обуздании злоязычия, в приобретении великой добродетели терпения.

Будем помнить завет Апостола Петра в его первом соборном послании о подражании Господу Иисусу Христу, Который "будучи злословим... не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному. Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились" (1 Пет. 2, 23-24).

Напомню вам также слова Апостола Павла в послании к Евреям, в котором он говорит о тех тяжелых страданиях в преследованиях,

которые терпели великие праведники. Из них "...иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотах и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли...

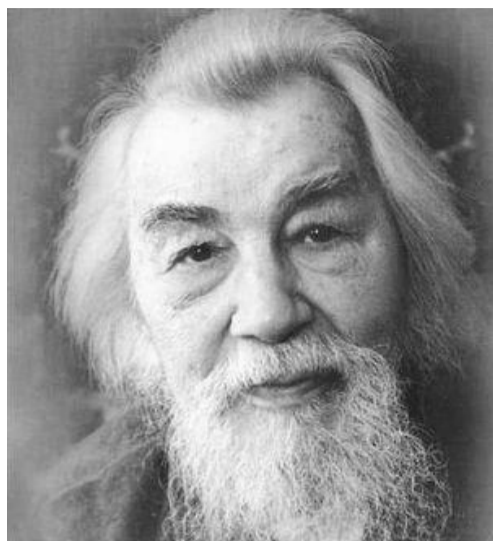
Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнеможеть и не ослабеть душами вашими" (Евр. 11, 35-38; 12, 1-3).

Свою проповедь закончу добрым пожеланием Апостола Павла: "Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово" (2 Фес. 3, 5).

Аминь.
1958 г.

<http://azbyka.ru/days/3nedel.shtml>

О ТОМ, КАК ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА НАРУШИЛА БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТЦА ИОАННА (КРЕСТЬЯНКИНА)

Жила в те годы в Москве необычайно интересная и своеобразная женщина — Валентина Павловна Коновалова. Казалось, она сошла с полотен Кустодиева — настоящая московская купчиха. Была она вдовой лет шестидесяти и директором большой продуктовой базы на проспекте Мира. Полная, приземистая, Валентина Павловна обычно торжественно восседала за большим канцелярским столом в своей конторе. Повсюду на стенах, даже в самое тяжелое советское лихолетье, у нее висели внушительных размеров бумажные репродукции икон в рамках, а на полу под письменным столом лежал большой целлофановый мешок, набитый деньгами. Ими Валентина Павловна распоряжалась по своему усмотрению — то отправляя подчиненных закупить партию свежих овощей, то одаривая нищих и странников, во множестве стекавшихся к ее продовольственной базе.

Подчиненные Валентину Павловну боялись, но любили. Великим постом она устраивала общее соборование прямо в своем кабинете. На соборовании всегда благоговейно присутствовали и работавшие на базе татары. Частенько в те годы дефицита к ней заглядывали московские настоятели, а то и архиереи. С некоторыми она была сдержанно почтительна, с другими, которых не одобряла «за экуменизм», резка и даже грубовата.

Меня не раз на большом грузовике посылали из Печор в столицу за продуктами для монастыря к Пасхе и к Рождеству. Валентина Павловна всегда особо тепло, по-матерински принимала нас, молодых послушников: она давно уже похоронила единственного сына. Мы подружились. Тем более что

у нас всегда находилась общая тема для бесед — наш общий духовник отец Иоанн.

Батюшка был, пожалуй, единственным человеком на свете, перед кем Валентина Павловна робела, но кого при этом бесконечно любила и уважала. Дважды в год она со своими ближайшими сотрудниками ездила в Печоры, там говела и исповедовалась. В эти дни ее невозможно было узнать — тихая, кроткая, застенчивая, она ничем не напоминала «московскую владычицу».

Осенью 1993 года происходили перемены в моей жизни: я был назначен настоятелем Псково-Печерского подворья в Москве. Оно должно было расположиться в старинном Сретенском монастыре. Для оформления множества документов мне часто приходилось бывать в Печорах.

У Валентины Павловны болели глаза, ничего особенного — возрастная катаракта. Как-то она попросила меня испросить благословение у отца Иоанна на небольшую операцию в знаменитом Институте Федорова. Ответ отца Иоанна, признаться, удивил меня: «Нет, нет, ни в коем случае. Только не сейчас, пусть пройдет время», — убежденно сказал он. Вернувшись в Москву, я передал эти слова Валентине Павловне.

Она очень расстроилась. В Федоровском институте все уже было договорено. Валентина Павловна написала отцу Иоанну подробное письмо, снова прося благословения на операцию и поясняя, что дело это пустяшное, не стоящее и внимания.

Отец Иоанн конечно же не хуже, чем она, знал, насколько безопасна операция по поводу катаракты. Но, прочитав привезенное мною послание, он очень встревожился. Мы долго сидели с батюшкой, и он взволнованно убеждал меня во что бы то ни стало уговорить Валентину Павловну сейчас отказаться от операции. Он снова написал ей странную депешу, в которой умолял и своей властью духовника благословлял отложить операцию на некоторый срок.

В то время мои обстоятельства сложились так, что выпало две свободные недели. Больше десяти лет у меня не было отпуска, и поэтому отец Иоанн благословил съездить подлечиться на две недели в Крым, в санаторий. И непременно взять с собой Валентину Павловну. Об этом же он написал ей в

своем письме, прибавив, что операцию она должна сделать потом, через месяц после отпуска.

— Если она сейчас сделает операцию, она умрет... — грустно сказал батюшка, когда мы прощались.

Но в Москве я понял, что нашла коса на камень. Валентина Павловна, наверное впервые в жизни, взбунтовалась против воли своего духовника. Последний раз она была в отпуске в далекой юности и теперь, кипятясь, сердито повторяла:

— Ну вот, что это еще батюшка надумал? Отпуск!.. А на кого я базу оставлю?

Она была всерьез возмущена, что из-за какой-то «керундовой глазной операции» отец Иоанн «заводит сыр-бор». Но тут уж я решительно не стал ничего слушать и заявил, что начинаю хлопотать о путевках в санаторий, и в ближайшее время мы едем в Крым. В конце концов Валентина Павловна, казалось, смирилась.

Прошло несколько дней. Я получил от Святейшего благословение на отпуск, заказал две путевки (поздней осенью их несложно было найти) и позвонил на базу сообщить Валентине Павловне о дате нашего выезда.

Валентина Павловна

Валентина Павловна в больнице. Ей сегодня делают операцию, — известил меня ее помощник.

— Как?! — закричал я. — Ведь отец Иоанн запретил!..

Выяснилось, что пару дней назад на базу заглянула какая-то монахиня. В миру она была врачом и, узнав об истории с катарактой, тоже возмутилась решением отца Иоанна. Полностью поддержав Валентину Павловну, она

взялась испросить благословения на операцию у одного из духовников Троице-Сергиевой лавры и в этот же день такое благословение получила. Валентина Павловна, удовлетворенная, поехала в Федоровский институт, рассчитывая после быстрой и несложной операции через два-три дня отправиться со мною в Крым. Но во время операции с ней случился тяжелейший инсульт и полный паралич.

Узнав об этом, я бросился звонить в Печоры эконому монастыря отцу Филарету, келейнику батюшки. В исключительных случаях отец Иоанн приходил к отцу Филарету и пользовался его телефоном.

— Как же вы так можете? Почему же вы меня не слушаете? — чуть не плакал батюшка, услышав мой сбивчивый и печальный рассказ. — Ведь если я на чем-то настаиваю, значит, знаю, что делаю!

Что мог я ему ответить? Спросил только, как можно помочь, — Валентина Павловна до сих пор оставалась без сознания. Отец Иоанн велел взять из храма в келью запасные Святые Дары, чтобы, как только Валентина Павловна придет в себя, будь то днем или ночью, я без промедленья отправился исповедовать и причастить ее.

По молитвам отца Иоанна, на следующий день Валентина Павловна пришла в сознание. Родственники немедленно сообщили мне об этом, и через полчаса я был в больнице.

Валентину Павловну вывезли ко мне в вестибюль реанимации на огромной металлической каталке. Она лежала под белой простыней — крохотная и беспомощная. Увидев меня, она закрыла глаза и заплакала. Говорить она не могла. Но и без всяких слов была понятна ее исповедь. Я прочел над ней разрешительную молитву и причастил. Мы простились.

На следующий день ее еще раз причастил отец Владимир Чувикин. В тот же вечер она умерла. Хоронили мы Валентину Павловну со светлым и мирным чувством. Ведь, по древнему церковному преданию, душа человека, который сподобился причаститься в день смерти, сразу восходит к престолу Господню.

Архимандрит Тихон (Шевкунов)
17 ноября 2012 года

Фрагмент главы «Отец Иоанн» из книги «Несвятые святые» и другие рассказы»

ЛУЧШАЯ ШКОЛА (ПРИТЧА).

Родители искали для сына хорошую школу и учителя и наконец они выбрали для сына лучшего учителя.

Утром дед повел внука в школу. Когда дед и внук вошли во двор, их окружили дети.

- Какой смешной старик, - засмеялся один мальчик.

- Эй, маленький толстяк, - скорчил рожицу другой.

Дети кричали и скакали вокруг деда и внука. Тут учитель позвонил в колокольчик, объявляя начало урока, и дети убежали.

Дедушка решительно взял внука за руку и вышел на улицу.

- Я, что не пойду в школу? — спросил мальчик.

- Пойдешь, но не в эту, - сердито ответил дед. - Я сам найду тебе школу.

Дед отвел внука в свой дом, поручил его заботам бабушки, а сам пошел искать лучшего учителя.

Увидев какую-нибудь школу, дед заходил во двор и ждал, когда учитель отпустит детей на

перемену.

В некоторых школах дети не обращали на старика внимания, в других - дразнили его. Дед молча поворачивался и уходил. Наконец он вошел в крохотный дворик маленькой школы и устало прислонился к ограде. Зазвенел звонок, и дети высыпали во двор.

- Дедушка, вам плохо, принести воды? - слышался голосок.

- У нас во дворе есть скамейка, садитесь, пожалуйста, - предложил один мальчик.

- Хотите, я позову учителя? - спросил другой ребенок.

Вскоре во двор вышел молодой учитель.

Дед поздоровался и сказал:

- Наконец я нашёл лучшую школу для моего внука.

- Вы ошибаетесь, дедушка, наша школа не лучшая. Она маленькая и тесная.

Старик не стал спорить. Он обо всем договорился с учителем и ушел.

Вечером мама мальчика спросила деда:

- Отец, вы неграмотны. Почему вы думаете, что нашли лучшего учителя?

- По ученикам узнают учителей, - ответил дед.

ТАК БУДЕТ НЕ ВСЕГДА (ПРИТЧА)

Это было во времена гонений

на христиан. В одном селе

ни жила христианская семья.

Отцу трудно было прокормить жену и маленьких

ребятишек, хоть он и работал, не покладая рук.

Но всю свою печаль он возложил на Господа и верил, что когда-нибудь все изменится к лучшему.

Как-то, чтобы и себя, и семью свою подбодрить, выгравировал отец на дощечке

слово: "ТАК БУДЕТ НЕ ВСЕГДА". И повесил надпись на видном месте в доме.

Прошли годы гонений, и наступило время достатка и свободы.

Выросли дети, появились внуки. Собрались они за богато накрытым сто-

лом в родительском доме. Помолвились, возблагодарив Господа за посланные да-

ры.

Старший сын вдруг заметил старую табличку.

- Давай снимем, - говорит отцу, - так не хочется вспоминать о тех тяжелых временах.

Ведь теперь все позади. - Нет, дети мои, пусть висит.

Помните, что и ТАК тоже будет НЕ ВСЕГДА. И учите это-

му своих детей. Нужно уметь за все благодарить Господа.

Тяжкое время - спасибо за испытания. Легко тебе живется - спасибо за достаток.

Только тот умеет быть благодарным, кто всегда помнит о вечности.

<http://www.smiisl-zhizni.ru/pritchi/57-nasha-zhizn/1202-tak-budet-ne-vsegda>

(Продолжение. Начало в №27-46)

Религиозное отчуждение

Бог воспринял человеческую плоть, чтобы сделать ее нетленной и бессмертной. Это восприятие представляет собой экзистенциальное событие, образующее Церковь как Тело Христово. Но плоть - это не только тело человека, но и весь комплекс связей, обеспечивающих его сохранение и выживание, а также удовлетворение его самых разнообразных потребностей. Истину и жизнь Церкви составляют все эти связи и отношения, преобразованные в Евхаристию и общение любви. Церковь воспринимает и преобразует целостную человеческую жизнь, всю биологическую, историческую и культурную "плоть" человека.

С утверждением христианства в качестве "официальной религии" Римской империи (religio imperii) Церковь воспринимает и "плоть" массовой религиозности, то преобразуя ее, то подчиняясь ей. Преобразование или подчинение суть фазы в диалектике человеческой свободы - гибели и спасения, греха и святости человека. По мере осуществления церковной истины, жизненный центр которой - в евхаристическом преобразовании твари, в истории появляются высочайшие образцы богословского и литургического творчества, святоотеческой мудрости, святости; непревзойденные шедевры иконописи и храмового зодчества; происходит подъем монашеского движения с его бескомпромиссностью по отношению к существующим структурам власти. По мере же того, как мы, люди (клирики и миряне), ставим церковную истину в зависимость от естественной потребности в "религии" и метафизически утверждаем в своем индивидуализме, в истории происходит подчинение Церкви целесообразности религиозного "установления" и "авторитета", стремлению к "эффективности", близоруким устремлениям общественной морали или политической конъюнктуры.

С утверждением христианства в качестве "официальной религии" вместо титулов епископов и пресвитеров начинают применяться религиозные священнические наименования "архиереев" и "иереев"; складывается сложная административная иерархическая структура; вводятся должности и титулы, никак не связанные с ева-

ристиким происхождением церковных служений, такие, как "архиепископ", "эксарх", "архимандрит", "протосингел", "архидиакон". Клирики подражают императорским чиновникам в помпезности официальных обращений; в простодушной тяге к преувеличениям устанавливаются торжественные величания в соответствии с градацией священного достоинства: "Ваше Преосвященство", "Ваше Святейшество", "Ваше Преподобие", Великий Эконом и множество подобных громких титулований.

Параллельно с этим начинаются громкие споры за первенство среди епископов и епархий, раздоры между "знаменитыми престолами" Рима и Константинополя, Константинополя и Александрии, Александрии и Антиохии. Тот факт, что вселенское первенство ассоциировалось с имперской идеей, привел впоследствии к подчинению Римской Церкви политическим амбициям франков, а затем и к великому расколу христианского мира. Та же самая взаимосвязь между имперской идеей и первенством епископских кафедр выражается позднее и в национально-государственных притязаниях славянских народов, результатом которых будут претензии Москвы - "Третьего Рима" и самочинное умножение количества патриархов. На протяжении последних двух столетий идея religio imperii вновь обретает историческую плоть в образе государственных национализмов, подчиняющих поместные Церкви критериям этнического сознания, а также интересам существующих политических режимов и правительств.

Все это (и многое другое, аналогичное) составляет "религиозную" часть исторической плоти Церкви - часть временную, переходящую, не связанную с Евхаристической истиной, конституирующей Церковь как возможность "жизни вечной" по ту сторону времени и пространства. Но это различие неведомо людям, судящим о Церкви по ее историческим неудачам, несовершенствам внешних структур или с помощью такого критерия, как этическая оценка ее членов и высших иерархов. Они пытаются путем количественного анализа исторических данных делать выводы о преобладании положительных или отрицательных сторон в исторической жизни Церкви.

Люди, судящие о христианстве по его моральной "отдаче" и исторической полезности, не знают ни того, что есть Церковь, ни ее истины. Они рассматривают Церковь как "религию", как институт, призванный удовлетворять "метафизическим потребностям

народа", и потому подходят к ней с меркой "улучшения" нравов и условий нашего смертного бытия. Они и не подозревают, что дело не в эфемерных "улучшениях" и неудачах, а в другом: в каждом Евхаристическом собрании смертная человеческая жизнь преобразуется в жизнь бессмертную и нетленную. И возможность этого преобразования не может быть упразднена ни недостойнством отдельных лиц, ни грехами мирян и клириков, ни интригами высоких церковных чинов: достаточно хотя бы малой заправки - членом Церкви, сознательно участвующих в Евхаристии.

Евангелие предупреждает, что Церковь - Царство Божие - подобна "неводу", захватывающему "хорошее и худое" (Мф.13,47-48); "полю", где растет и пшеница, и плевелы (Мф.13,25). Святые и грешники в равной мере являются членами Церкви: праведные, непорочные, аскеты - и вместе с ними разбойники, блудницы и мытари. Все мы объединяемся в Церковь не потому, что хотим усовершенствовать наши "добродетели" или "исправить" наши характеры, но потому, что жаждем жизни, свободной от разрушения и смерти. Мы знаем, что как праведники, так и грешники равно смертны: наш общий грех есть смерть - событие, в котором наша физическая индивидуальность, физическая ипостась однажды исчезает в земле (ведь "грех" означает не нарушение законов или предписаний, но глобальную неудачу, провал в осуществлении цели, или предназначения, нашего бытия). Мы приходим в Церковь потому, что жаждем жизни как полноты любви. Нас интересует не добродетель смертного человека, но вечность человека раскаявшегося.

В Церкви сила наша "совершается в немощи" (2Кор.12,9). Великая сила Церкви - это наши исторические беды и наши грехи. Почему грехи мы называем силой? Прежде всего потому, что познание наших собственных неудач и немощей, как и уважение к неудачам и слабостям ближнего, есть основная предпосылка свободы, есть отрицание тоталитарного права требовать "совершенства". Если кто-либо осмелится "согрешить" в политической партии, институированной идеологической системе или в бизнесе, ему неизбежно придется испустить (порой кровью) нарушение "предписаний" или "распоряжений центра" или же причиненный интересам деловых партнеров ущерб. Сегодня, в этом мире, в этой цивилизации, где все охотятся за удачей, точностью и "совершенством", только в Церкви

существует последняя возможность человеческой свободы - "право" на неудачу и бессилие.

Но сила Церкви совершается в немощи главным образом потому, что только признавая человеческую немощь, мы можем претворить жизненную возможность в любовь Бога, "воскрешающего мертвых". Замкнутость в самодостаточности, удовлетворенность своей добродетелью, своими достижениями и здравомыслием не оставляют нам возможности для самоотречения и самопреодоления, высвобождающего животворящую силу любви. Поскольку мы ожидаем осуществления жизненных целей (достижения спасения, праведности, бессмертия) от религиозности, морали, эффективности наших законов, постольку мы отдаляемся от возможности "истинной жизни". Напротив, индивидуальные грехи любого из нас в совокупности с каждым проявлением человеческой несостоятельности в Церкви - в порочных епископах, "разбойничьих" соборах, политических спекуляциях церковной истиной - приводят нас в отчаяние, которое оказывается в высшей степени плодотворным, так как эти явления подтверждают утопичность моралистических мечтаний и религиозных притязаний на "обновление" человека.

Жизнь вечная, провозглашаемая Церковью, начинается там, где кончаются экзистенциальные возможности твари, то есть исчерпывает себя тенденция к автономному существованию и претензии на индивидуальное обладание жизнью. Спасение от смерти возможно благодаря связи с нетварным; это дар, благодать, а не следствие нашей природы. Спасение становится возможным тогда, когда природа освобождается от необходимости экзистенциальной автономии, от стремления к самосохранению. Тогда перед человеком открывается путь к тринитарному образу бытия - к преодолению в любви своей индивидуальной ограниченности.

Таково свидетельство Церкви, нашедшее свое историческое воплощение по преимуществу в мучениках и аскетах. Конкретное свидетельство мучеников и их исторических последователей - аскетов окончательно запечатлевает образ церковной жизни, предохраняя истину Церкви от искажений. Жизнь - не индивидуальное выживание, но самоотдача в ее высочайшем проявлении, вплоть до смерти - самоотдача в "безуменной любви" к Божественной Личности, явленной в Иисусе Христе.

П Р А В О С Л А В И Е

Апофатизм и формализм

В современном языке слово ортодоксия (греч. "православие", "правовереие") означает приверженность какой-либо догме, какой-либо идеологии, принимаемой буквально, и соответствует более или менее понятию консерватизма, упорного следования сложившемуся порядку вещей. Ортодоксом мы называем человека, хранящего верность изначальным формулировкам того или иного учения и не допускающего в них никакого изменения, в отличие от тех, кто в процессе развития уклоняется от исходного смысла далеко в сторону.

Таким образом, любая догматическая идеология - религиозная, социальная или политическая - заключает в себе возможность своей собственной ортодоксии. Например, говоря о лютеранской, фрейдистской или марксистской ортодоксии, обычно имеют в виду консервативную и, как правило, бесплодную приверженность букве учения Лютера, Фрейда или Маркса - приверженность, противостоящую позднейшей интерпретации и творческому развитию первоначальных идей.

Большей частью мы заводим речь об ортодоксии, сталкиваясь с людскими претензиями на непогрешимое следование истине. В этом факте выражается потребность людей во всеобщем признании и в уважении к унаследованным ценностям, а также к хранящим и представляющим их лицам. В результате ортодоксия оборачивается удобным способом оправдания не

столько консервативных идей, сколько придерживающихся консервативных взглядов людей, и нередко оказывается своего рода психологической маской, прикрывающей нерешительность и духовное бесплодие. Кто не способен или не отваживается на создание чего-либо нового в своей жизни, тот фанатично цепляется за ортодоксию того или иного сорта, обретая в ней источник своей значимости, авторитета и даже власти, выставляя себя хранителем и распорядителем истины, защитником формы, толкователем буквы. В конечном счете эти люди превращают так называемую ортодоксию в прокрустово ложе, на котором подвергают ампутации саму жизнь ради приспособления ее к требованиям догмы.

Вышеизложенная интерпретация ортодоксии и сопутствующих ей признаков является следствием определенного понимания истины и возможностей ее достижения. Согласно этой концепции, человек способен добиться индивидуального обладания истиной и превратить ее в объект своего господства.

Чтобы сделать из истины объект обладания, необходимо придать ей определенный и окончательный характер, отождествить ее с определением, с буквой формулировки, внутри которой истина должна быть заключена в неподвижные границы. Отождествление с определением объективирует истину, превращает ее в предмет обладания и господства со стороны рассудка. Таким образом, приверженность к ортодоксии, к изначальной и неуклонной объекти-

зации представляет собой способ обладания истиной.

Подобная концепция истины и возможности ее достижения является не просто характерной чертой, но основанием нашей современной "западноевропейской" цивилизации, взятой в самом широком смысле, и не имеет никакого отношения ни к Церкви, ни к церковному Православию.

Апофатизм церковной истины, о которой шла речь на предыдущих страницах, исключает всякое "объективированное" понимание ортодоксии, или православия. Истина не исчерпывается определением, представляющим собой не более, чем ее границы, пределы, ее "предохранительную оболочку". Реальность, не опровергнутая реальностью же, есть истина. Жизнь, не упраздненная смертью, есть истина в последнем смысле. Вот почему познать истину возможно не через заучивание формулировок, но лишь через сопричастность истине, сопричастность истине жизни, опытной очевидности.

Ересь и кафоличность

В истории Церкви термин "православие" появляется для того, чтобы отличать истину от ереси, однако и то, и другое - как ересь, так и православие - соотносятся не с теоретическими принципами, но с событиями жизни. Ересь есть отделение от церковной общины определенной группы, которая оказывается не связанной с местным Евхаристическим собранием. Она представляет

собой фактический отказ от церковного образа бытия, то есть единения и общения в любви.

Православие, напротив, - это истина кафолической Церкви, явленной и реализованной в каждом местном Евхаристическом собрании. Каждая местная Церковь представляет собой Церковь кафолическую, событие и опыт кафоличности, поскольку она воссоединяет и воплощает в себе всецелую (кафолическую) истину веры, совершенство истины, то есть полноту жизни "во Христе", все жизненные дары, подаваемые Святым Духом.

Тексты первых веков христианства свидетельствуют с полной очевидностью о том, что именно кафолическая Церковь является критерием Православия, а не наоборот (то есть не Православие является критерием кафолической Церкви). В самом деле, Православие предполагает участие в кафолической Церкви, а не слепую приверженность теоретическим формулировкам. Факт и опыт кафоличности предшествуют любым умозрительным определениям. Определения появляются лишь в связи с ересями, вынуждающими Церковь зафиксировать в теоретических положениях свой опыт истины. Истина в ее жизненной подлинности предшествует умозрению как по времени, так и по сути; она обретается не в интеллектуальных формулировках, представляющих собой ее оболочку и охранительные пределы, но подтверждается причастностью к опыту кафолической Церкви.

(Продолжение на стр.6)

К р и т е р и й П р а в о с л а в и я

Необходимо, однако, констатировать, что ересь обнаруживает себя не только как жизненный факт (то есть схизма), но и как теоретическое учение. Еретики учат об "истине", не подтверждаемой опытом и верой католической Церкви. Именно несоответствие опыту и вере католической Церкви и есть критерий отличия ереси от Православия. Несмотря на все усилия активизировать этот критерий в соборных определениях и писаниях отцов Церкви, он по-прежнему предполагает динамичную неопределенность жизни и непосредственность опыта.

Законченные формулировки истины и динамичная неопределенность опытного ее переживания не могут быть совмещены на уровне логического мышления, но могут гармонично сочетаться в плане жизненной реальности и ее ипостасного проявления, то есть личности. Вот почему критерием церковного Православия оказываются опыт и вера католической Церкви, воплощенные в личностях святых. Христианские святые выделяются не особыми моральными

качествами, но тем, что в них обнаруживается и проявляет себя истина. Критерий истины - церковная католичность, а мера католичности - осуществление жизненных даров в личностях святых.

Подобные критерии различия Православия и ереси представляют собой вопиющую и недопустимую несообразность с точки зрения рационалистического мышления: ведь они оставляют без объяснения многие моменты церковной истории или, по крайней мере, затрудняют так называемое "логическое" их объяснение. Например, часто еретики пользовались численным перевесом, но тем не менее именно Церковь меньшинства была признана в конце концов католической. Мы говорим о том, что судьей в вопросах правоты веры выступает народ, объединенный в Церковь, однако критерий для вынесения суждений не носит ни объективного, ни окончательного характера и не определяется большинством голосов. Случалось, что ересь добивалась не только численного преобладания, но и утверждалась на длительный

срок, в течение которого выдавала себя за подлинную церковную истину. И все же Православие в конечном счете побеждало, даже если хранителем его оставался единственный человек. Императоры боролись с Православием, подвергая гонениям сторонников правой веры; представительные епископские соборы высказывались в еретическом антиправославном духе. Имело место и обратное: мирские правители или обладающие властью священнослужители силой утверждали догматическое, буквалистское правоверие, будучи в то же время трагически отделенными от православной истины. И все же, несмотря ни на какие покушения "извне" или "изнутри", Православие в конце концов выстояло - по крайней мере, оно отстаивало себя в течение многих столетий как живое веросознание народа, явленное в опыте и в свидетельствах апостолов и святых.

Каким же образом удалось сохранить верность этому неопределенному критерию, отличающему Православие от ереси? На чем основывалось истолкование как выше-

упомянутых его признаков, так и многих других подобных им, если не существовало объективного и непогрешимого мерила истины? Ответ мы находим в том упорстве, с каким Церковь отождествляла истину с жизнью, а жизнь с ее единственным ипостасным проявлением - с личностью. Церковь отказывается подменять непосредственность опыта и личного отношения интеллектуальными схемами, нравственными предписаниями или структурами власти, призванными служить мирскому господству. Таким образом, Православие обретается или утрачивается, как обретается или утрачивается любой жизненный дар: настоящая любовь, произведение искусства, озарение на путях познания.

Это обретение или потеря остаются недоступными для "объективных" критериев науки и историографии - так же, как недоступна для них реальная жизнь языка, подверженного историческим изменениям, творческой художественной обработке и наполнению различной социальной семантикой.

Вклад древних эллинов

Во всяком случае, не следует забывать, что Церковь исторически возникла и развивалась в лоне эллинского или эллинизированного культурного мира, в котором существовало понятие об истине, в корне отличное от требований "объективности". От Гераклита до неоплатоников познание воспринималось как процесс со-участия: "Там, где мы все согласны между собой, мы имеем дело с истиной; но там, где наши индивидуальные суждения расходятся, мы оши-

баемся" (Гераклит). Познание может быть истинным лишь тогда, когда оно находит подтверждение в общем опыте, когда через "приобщение" к нему мы входим в общение с другими людьми, которых мы понимаем и которые понимают нас: когда между нами устанавливается гармония благодаря совместно пережитому опыту.

Следовательно, путь к истине - не в индивидуальном познании, но в его социальном подтверждении, в событии причастности к общему разуму (κοινος λογος). Вне этой гносеологии, ориентированной на динамику общественной жизни, мы не поймем ни

греческой философии, ни греческого искусства, ни такого социального явления, как полис - идеал древнегреческой демократии.

Церковное Православие сформировалось и определилось как апофатическое в благоприятной культурной среде, которая почти во всех своих проявлениях соответствовала критериям апофатического познания. Кроме того, крупнейшие ереси первых восьми веков христианства - крупнейшие по продолжительности и числу сторонников - никогда не задевали фундаментальной исторической предпосылки Православия -

апофатизма церковного богословия. Этим объясняется тот факт, что ни одна из упомянутых ересей не оказалась исторически жизнеспособной (незначительные группы монофизитов, сохранившиеся до наших дней, являют собой не более чем фанатичную приверженность определенной терминологии и языку). Им не удалось ни подавить, ни исказить тот образ бытия, социальный характер и динамику истины, которые служили основанием и организующим принципом эллинского и эллинистического мира.

З а б л у ж д е н и е З а п а д а

Первым еретическим искажением веры, не только уцелевшим в ходе истории, но и радикальным образом изменившим ее курс, был отказ от фундаментальной предпосылки Православия, а именно - от апофатизма истины. Учение, предполагающее такой отказ, постепенно утвердилось в Западной Европе, где развивалось и в наше время на основе новой концепции познания и критериев истины. Западное вероучение ведет к схизме, представляющей исторически непреодолимой, ибо речь идет в конечном счете об ином образе бытия, то есть о цивилизации, априори несовместимой с динамикой церковного Православия.

Отказ от апофатизма в познании восходит, несомненно, к юридическому духу римской традиции. Рим явился колыбелью юриспруденции в ее развитой и систематической форме. Между тем практика юридических оценок и формулировок неизбежно порождает склонность к объективации казусов, к замене динамической жизненной неопределенности жесткими схемами и моделями. Уникальность реального события воспринимается через призму его соотносительности с объективной типологией правовых отношений, действительность опыта удостоверяется обращением к схематическому определению.

Первый важный этап теоретического обоснования отказа от апофатизма связан с именем Августина (354-430). Августин не получил образования на эллинский манер и даже не знал греческого языка. Он изучал главным образом право по трудам Цицерона, Тертуллиана и Амвросия Медиоланского и позднее перенес свойственный юридической науке дух строгой объективности на область гносеологии. Как система законов укрепляет объективные и действенные гарантии социальной гармонии, так определения истины, неизбежно схематичные, но зато общедоступные, обеспечивают эффективность познания, выступая как своего

рода "право" истины.

Так впервые в истории истина была отождествлена с ее определением, а познание (то есть обладание истиной) - с индивидуальным усвоением формулировок. Истина оказалась оторванной от динамики жизни, была сведена к чисто рассудочному моменту, к правильному способу рассуждения. В трудах Августина уже обозначаются фундаментальные следствия этого радикального изменения в учении об истине - следствия, ставшие в дальнейшем основанием социальной и культурной жизни Запада. Правильное мышление подменяет собой динамичную неопределенность жизни; жизнь втискивается в рамки "логики" (ratio), логика возводится на уровень высшего авторитета - будь то моральные нормы или же требования общественной и политической практики. Морализм и тоталитаризм, эти два типичных порождения западноевропейской цивилизации, берут свое начало в мысли Августина.

Тем не менее, богословские воззрения и нововведения Августина могли бы остаться просто набором разрозненных "еретических" суждений, которые заслоняет его вдохновляющий личный пример обращения и нравственного преобразования, если бы в IX веке, при Каролингах, не была вновь "открыта" значимость его еретического учения. Претензии Карла Великого на воссоздание Западной Римской империи, полностью независимой от эллинизированного Востока, вынудили его прежде всего к поискам иного культурного фундамента, ибо в ту эпоху такой культурный фундамент был предпосылкой политической единства. Исторические данные единодушно свидетельствуют в пользу того, что труды Августина были использованы в деле формирования новой, чисто латинской культурной базы, лишенной какого бы то ни было греческого влияния.

Именно в трудах Августина намечались те религиозные особенности западного христианства, которые привели в 1054 году к великому расколу между Западной и Восточной Церквями. Речь идет не просто о формальных еретических заблуждениях, не просто о юридическом и рационалистическом духе, способствовавшем формированию этих различий. Своеобразие августиновской концепции гораздо глубже: оно заключается в преобладании религиозного элемента в ущерб элементу церковному. Действительно, участие в истине Церкви предполагает отказ от индивидуализма и преобразование бытия в единение любви согласно тринитарной модели "истинной жизни". Религиозность, напротив, всегда индивидуалистична: она "улучшает", утешает, удовлетворяет и защищает индивида. Августин утверждает, что Церковь есть религия, которая посредством логических доводов убеждает индивидуального интеллект, помогает сохранению самообладания и индивидуальной нравственности, предоставляет каждому отдельному человеку защиту и гарантии, благодаря высшему авторитету.

Схизма 1054 года открывает путь наиболее радикальному изменению христианства на всем протяжении его истории - превращению его в религию. Вот почему в конце концов развитие особенностей западного христианства породило не просто новую империю или новую преходящую ересь, но иной тип цивилизации, ранее неизвестный истории.

Эпоха схоластики - следующий этап в развитии специфических отличий Западной Церкви. В это время с поразительной быстротой было освоено наследие Августина. Меньше чем за два столетия (XII и XIII века) схоласты совершили радикальный переворот в области критериев и предпосылок церковного богословия с тем, чтобы стереть с них самый след эллинизма. Они от-

казались от апофатизма теологических определений и от примата жизни и ее ипостасного проявления в личности, взятой в своей экзистенциальной инаковости и свободе. Они обратились к древнегреческой онтологии (предполагающей первенство понятия сущности, сущностную и логическую заданность бытия, его "абсолютное предопределение") и усвоили эту онтологию, отвергнутую греческими отцами Церкви, отбрасывая в то же время античную гносеологию, признанную отцами. Следуя августиновской концепции, схоласты пытались исчерпать процесс познания возможностями индивидуального разума и определяли истину как "совпадение понятия с его предметом". Следовательно, познание оказывается истинным в силу одного факта такого совпадения, а истина становится интеллектуальным достижением.

Богословская ревизия, осуществленная схоластами, их нововведения и схематизированные построения ориентированы на все то же радикальное преобразование веры, что уже свершилось на уровне живого опыта: на переход от церковности к религиозности. Искусство той эпохи еще более красноречиво, чем теоретические формулировки, свидетельствует о совершившейся в Западной Церкви мутации, превратившей ее в религию. Когда в начале XII века в культовой архитектуре возник готический стиль, он выразил (несомненно, в гениальной форме) те изменения, что уже осуществились в сфере культа. Позднее, начиная с XIII века, церковная иконография окончательно уступила место религиозной живописи (способствуя тем самым развитию индивидуального эмоционального восприятия и вообще расцвету индивидуализма), и в этом факте отразился переворот, который произошел в путях постижения жизни и мира.

(Продолжение в №48)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской
Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в №27-46)

Когда Стефан осудил решение Африканского собора, постановившего перекрещивать еретиков, Киприан немедленно созвал новый собор из 87 африканских епископов в Карфагене. Он осудил и мнение, и поведение Стефана.

В 121-м правиле Карфагенского собора говорится: "Да не настоит один епископ на решении своего суда". И далее: "Ибо никто из нас не ставит себя епископом над другими епископами и не устанавливает тиранического террора, дабы принудить своих собратьев к послушанию; поскольку каждый епископ в соответствии со своей свободой и властью имеет право на суждение и не в большей мере может быть судим другими епископами, нежели он сам может судить их. Но будем ждать суда Господа нашего Иисуса Христа, Который один властен возвышать нас в управлении Своей Церковью и судить нас за наше поведение".

В этом отрывке содержится скрытый упрек в адрес "брата" Стефана, претендовавшего на высший авторитет среди других епископов. В осторожных выражениях, столь отличных по духу от нетерпимого поведения Папы римского, этому последнему поставлено на вид, что ни один епископ не имеет личной власти над другими епископами и что лишь всеобщее согласие может служить знаком божественной воли, и что только Бог решает, кто прав, а кто неправ.

А в послании Африканского собора другому папе - Целестину - говорится: "Разве найдется такой человек, который бы поверил, что Бог наш может только кому-то одному вдохнуть правоту суда, а бесчисленным иереям, сошедшимся на соборе, откажет в этом". Отношение к папским претензиям очевидно и тут.

В споре о крещении еретиков св. Киприан проявил необычайную твердость убеждения: "Церковь одна, а будучи одна, она не может быть и внутри и вне. Если она у Новатиана, то не была у Корнилия. Если же она была у Корнилия, который наследовал епископу Фабиану по законному посвящению и которого, кроме чести священства, Господь прославил и мученичеством, то Новатиан не принадлежит к Церкви, и тот, кто, презревши евангельское и апостольское предание, никому не наследуя, произошел от самого себя, не может считаться епископом, не может никоим образом иметь Церковь и обладать ею не посвященный в Церкви" (Письмо к Магну).

"Произошел от самого себя", - говорит св. Киприан о Новатиане. Несомненно, что Новатиан был рукоположен епископами, т.е. с формальной, механистической точки зрения у него было апостольское преемство. Но затем он немедленно собрал вокруг себя еретиков и организовал новую

церковь. Таким образом, не столь важно, кто принимает участие в рукоположении, - важно, где происходит крещение: в лоне церкви или же вне ее. Кто сам находится вне Церкви, тот не может никого ввести в Церковь. Как кто-либо, лишенный Духа, может передавать его Дары? - вопрошает св. Киприан.

Кто в конце концов оказался прав в этом споре - Киприан или Стефан? Чье мнение мы приняли за основу? Все зависит от конкретной ситуации. Вот тут и нужен принцип икономии - церковного домостроительства, позволяющего в каждом конкретном случае войти в суть дела и сделать правильное суждение. Например, св. Киприан не мог предвидеть ситуации в IV в., когда единственным неарианином в Церкви останется св. Афанасий Великий, да и тот большую часть своего служения проведет в ссылке. Св. Константин, свв. отцы-каппадокийцы - все они были крещены арианскими епископами. Правильно ли было бы перекрещивать всю Церковь после восстановления Православия на II Вселенском Соборе (381 г.)? Да и кто перекрещивал бы ее?

Наверное, стоит признать, что единого общего ответа не существует: необходимо в каждом отдельном случае принимать во внимание намерения, с которыми совершаются таинства. Если совершитель таинства движим сознательным стремлением разделить Церковь, разрушить ее единство, то тогда таинства нельзя считать настоящими, "действительными". Св. Киприан не признавал таинства новациан, хотя доктринально они ничем не отличались от православных: мы скорее признали бы их раскольниками, а не еретиками. Но они воевали против Церкви, и, следовательно, их таинства не могли быть действительными. Если же таинства вне канонических пределов Православной Церкви совершаются в доброй вере, с честными намерениями, с желанием упрочить Церковь, то тут, наверное, мы не можем быть столь категоричными.

В качестве примера можно вспомнить деятельность католиков на территории Греции в XVIII в., когда иезуитский орден брал на откуп у Османской империи населенные православными острова и насильно замещал там священство на униатское. Именно тогда Константинопольский Патриархат перешел к практике крещения приходящих в Православие из католичества, признав, таким образом, недействительными совершаемые католиками в Греции таинства. Недействительными также были признаны и таинства обновленцев в России, равно как и таинства наших сегодняшних раскольников, раздирающих хитон Христов.

Но существует и обратный пример. Это письмо епископа Александрийского св. Дионисия Великого к Папе римскому Сиксту о крещении:

ниц наук и искусства), где преподавали все известные тогда науки. Музей и основанная при нем библиотека стали самым уважаемым во всем античном мире научным центром.

Иудаизм также издавна существовал в Александрии. Впервые евреи пришли в Египет во времена Иосифа, и с тех пор там не прекращали существования иудейские общины. Конечно, иудеи селились в Египте и в более поздние времена. Вспомним, что в Александрии была создана Септуагинта и что именно там жил Филон Александрийский.

Христианство, очевидно, пришло в Египет еще в первом веке, хотя у нас нет почти никаких сведений о нем до второй половины II в. Распространилось оно там чрезвычайно быстро: к IV в. почти все население Египта стало христианским. По всей видимости, происхождение египетской Церкви не было непосредственно связано с проповедью апостолов: предание о проповеди в Александрии апостола Марка впервые упоминается Климентом Александрийским. Конечно, египтяне хорошо помнили, что в их стране побывало Святое Семейство, и пункты его пребывания там стали центрами паломничества. Но на Востоке было доста-

"В собрании братьев находился некто, считавшийся давним правоверным и присоединенный к обществу христиан еще до моего рукоположения... Быв при недавнем крещении и выслушав вопросы и ответы, он пришел ко мне с плачем и самосокрушением и, упав мне в ноги, начал исповедоваться и клясться, что крещение, принятое им от еретиков, было не таково и не имеет ничего общего с нашим, потому что оно исполнено нечестия и богохульств. Говоря, что душа его сильно страдает и что от тех нечестивых слов и действий у него даже нет дерзновения возвести очи к Богу, он просил преподать ему истиннейшее очищение, усыновление и благодать. Но я не решился сделать это, сказав, что для сего довольно долговременного общения его с Церковью, что я не дерзаю снова готовить того, который внимал благословию даров, вместе с другими произнося "амин", приступая к трапезе, протягивая руки для принятия святой пищи, принимал ее и долгое время приобщался тела и крови Господа нашего Иисуса Христа. Я повелевал ему благодушествовать и с твердой верою, с доброй совестью приступать к приобщению святых тайн".

Спор Киприана с папой Стефаном завершился мученической кончиной св. Стефана в 256 г. и св. Киприана - во время гонения Валериана, 14 сентября 258 г.

13 сентября 258 г. Киприана вызвали к проконсулу. Сохранились длинные акты его допроса. "Галерий Максим, проконсул, сказал: "Ты Таский Киприан, папа сакрилегов?" Киприан сказал: "Я". - "Императоры предписывают тебе совершить жертвоприношение". - "Я не подчиняюсь". - "Советую тебе подумать". - "Делай, что тебе предписано. В столь праведном деле не требуется советов". ...Посоветовавшись с ассессорами, проконсул прочел приговор: "...Ты показал себя врагом римских богов и священных законов. Августейшие императоры не могли убедить тебя вернуться к исполнению римских религиозных обрядов. В предостережение тем, кого ты вовлек в свое преступное сообщество, ты своею кровью заплатишь за нарушение законов. Таския Киприана обезглавить мечом"... "Deo gratia", - сказал Киприан".

На место казни его сопровождала толпа христиан с зажженными свечками, с пением молитв. Его мученичество преобразилось в торжественный литургический акт... За месяц до него "засвидетельствовал" и папа Сикст. Полиция застала его, окруженного духовенством, возглавляющим собрание верных. Он умер, сидя на епископском престоле, с ним был умерщвлен и его дьякон Лаврентий. Единство Церкви и ее правда в те дни запечатлевались кровью мучеников...

Разногласие между двумя великими ка-

точно много и более знаменитых святых мест.

Мы знаем о некотором пристрастии египетских христиан к ригоризму, даже несколько энкратического оттенка (Евангелие от Египтян), и об их увлечении аллегорическим методом экзегезы.

Со II в. в Александрии действовала **школа оглашенных** (катехуменов). Такие школы существовали во многих местных общинах. Однако александрийская школа была особой: достаточно сказать, что ее поочередно возглавляли самые знаменитые богословы христианского мира, такие как Пантен, Климент Александрийский и Ориген. Постепенно школа сделалась блестящим академическим заведением, дававшим широкое энциклопедическое образование, включая греческую философию и начатки естественных наук. Среди ректоров ее были не только клирики, но и интеллектуалы из мирян. Это положение изменилось только в IV в., когда возглавляющие Александрийскую Церковь архиепископы, сами будучи богословами, взяли под свой контроль богословскую и интеллектуальную жизнь школы.

Широкое энциклопедическое образование, которое давала александрийская школа,

федрами было улажено при посредничестве епископа Александрийского св. Дионисия. И Рим и Карфаген остались каждый при своем. Лишь через пятьдесят пять лет, во время донатистского кризиса, Риму удалось убедить Карфаген перейти к своей практике.

3. Гонения возобновились во время правления Валериана, который запретил собрания. Валериан начал практику выборочных казней, когда разыскивались и предавались смерти епископы и старшие пресвитеры; впоследствии Диоклетиан воспользуется его примером.

Церковь спасало то, что политическое положение Рима было очень серьезным. Империя боролась не на жизнь, а на смерть против наступающих варваров. Следовательно, гонения не были повсеместными и систематическими, чтобы нанести серьезный урон. Их наихудшим последствием были внутренние разделения Церкви.

В 260-261 гг. император Галлен издал эдикт о веротерпимости и в ответ на просьбы епископов вернул христианам всю конфискованную собственность, включая храмы и кладбища.

Теперь основные нападения на Церковь были совершаемы посредством пера, а не меча.

За исключением периода между 274-275 гг., когда император Аурелиан ввел насильно культ бога-солнца, как обязательный для всех монотеистический культ, Церковь жила в мире до 303 г. Даже провинциальные правители-христиане были негласно освобождены от участия в жертвоприношениях. А в Испании, напротив, сотрудничество Церкви и Империи зашло так далеко, что более 300 христиан ничтоже сумняшеся совмещали членство в Церкви с работой муниципальными жрецами.

Ко времени св. Киприана повсеместно укоренившимся обычаем Церкви стали **соборы**. Обычно соборы проходили в главном городе провинции (метрополисе) под председательством его епископа, получившего название **митрополит**.

К концу III в. стали проводиться соборы епископов из нескольких провинций. Они собирались в главных городах Империи, таких как Александрия или Антиохия, поэтому епископы этих городов получали значение даже выше митрополитов. Но еще не было принято никакого решения относительно статуса этих кафедр, так же как пока не было возможности созвать общий собор, говорящий от имени всей Церкви.

Св. Климент Александрийский

Александрия была вторым по величине городом Римской империи. Она была основана в 331 г. до Р.Х. Александром Македонским.

Это был громадный космополитический город, столица Египта, житница Рима. Александрия была центром блестящей интеллектуальной жизни. Можно сказать, что она была родиной эллинизма - культурного явления, возникшего в результате завоеваний Александра Македонского. Город, лежащий на стыке двух континентов, всегда характеризовался смешением множества цивилизаций. На него наложили свои отпечатки и древнеегипетское наследие, и ближневосточные общества, и греческая культура, и римская государственность. Все это дало начало новой цивилизации, впитавшей в себя самые разнородные элементы. В самом городе говорили по-гречески, в сельских местностях - на коптском языке, который произошел от древнеегипетского. При Птоломеях была открыта знаменитая школа-университет, названная Музеем (от греческого Мусион, храм муз - покровитель-

было особенно важно для христианской апологетики, так как, чтобы объяснить христианскую веру и Св. Писание грекам, необходимо было тщательно изучить их образ мышления. Именно здесь, в александрийской школе, богословы стали применять исключительно аллегорический метод экзегезы. Интересный пример александрийской "аллегоризации" Писания мы находим в "Послании Варнавы", где уже можно отметить тенденцию к натянутым толкованиям, иногда не имеющим ничего общего с реальностью; злоупотребление методом было присуще многим экзегетам александрийской школы. С одной стороны, они понимали необходимость и важность ветхозаветной истории, но, с другой стороны, аллегоризация всех, даже мельчайших деталей этой истории избавляла толкователей от необходимости принимать эту историю всерьез, а это делало Ветхий Завет куда более приемлемым для греческого ума. Св. Писание в понимании представителей аллегорической школы экзегезы было чем-то вроде криптограммы, имело эзотерический смысл, доступный лишь избранной элите образованных интеллектуалов, но скрытый от простых непосвященных смертных.

(Продолжение на стр.8)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской
Православной Церкви)

. Особенности александрийского мышления ярко выражены в личности и писаниях **Климента Александрийского**. Его полное имя - Тит Флавий Климент (ок. 150 - ок. 215).

Мы почти ничего не знаем о его биографии, кроме того, что можно "вычислить" из его собственных писаний, которые состоят из экзегезы некоторых евангельских историй, заметок о валентиновском гностицизме и весьма основательной трилогии: "Увещание язычникам", "Педагог" и "Строматы", которые он так и не закончил.

"Увещание" - это апологетическое произведение, опровергающее язычество, основанное на мифах, насыщенных грубостью, суеверием и эротизмом. Климент отмечает, что даже великие философы древности не освободились окончательно от всего этого языческого растления.

"Педагог" - своего рода учебник нравственных основ и правильного поведения для новообращенного христианина: в этой книге Климент стремился раскрыть нравственное содержание христианства.

"Строматы", что значит "пестрый ковер", "мозаика", "отрывки", появились на свет вместо предполагавшегося 3-го тома трилогии, который Климент намеревался назвать "Учитель". В третьем томе должно было содержаться систематическое изложение христианского вероучения. Однако Климент так и не написал такой работы. Он считал, что к высоким материям богословия нужно относиться с глубочайшим бла-

говением, так как они касаются божественных тайн, поэтому было бы весьма опасным издавать в письменной форме полное изложение всего христианства, открыв его, таким образом, для чтения любым, даже самым неподготовленным человеком. Вместо этого Климент решил написать сочинение совершенно иного характера. В то время несколько языческих писателей уже выпустили собрания отдельных мыслей и отрывков, и это стало весьма популярной формой философской прозы - умышленно отрывочной и бессистемной, так что предмет менялся каждые несколько страниц. Самая известная работа подобного жанра - это "Аттические ночи" Авла Геллия; в этом же стиле писали Плутарх, Элиан и Афеней. Из современных авторов можно привести Розанова.

Основной задачей Климента, как и других апологетов, было сделать христианство понятным и доступным современному ему эллинистическому миру, "проложить мосты" между христианской верой и греческой философией, объяснить соотношение между верой и знанием. Похоже, что именно Пантен помог ему нащупать правильный путь к этому. Ко времени начала работы Климента в Александрии местная Церковь занимала оборонительную позицию: она с подозрением и враждебностью относилась к греческой языческой литературе и гностицистической философии. Гностицизм сделал философию подозрительной, а языческая религия настолько понижала классическую литературу, что было довольно трудно отделить гуманитарное образование от

принятия языческих ценностей и политеистических мифов. Метод, использованный в "Строматах", позволил Клименту представить свою позицию осторожному христианскому читателю таким образом, чтобы успокоить все его опасения. Климент убедительно доказывал, что философия не только не являлась основой для гностицизма, но и давала метод борьбы с ним: гностики говорили о высшем разуме, но не слишком упражняли свой.

Согласно Клименту, часть истин христианского учения содержалась в язычестве, и между философией и Евангелием нет полной противоположности - обе стремятся к достижению высшей Истины. Стремясь обратить греков в христианство, привести их в Церковь, Климент доказывает превосходство христианства над язычеством, в то же время сохраняя положительное отношение к греческой философии.

Основой основ мысли Климента является его учение о Логосе (Слове). Согласно Клименту, Логос - творец мироздания. Через Него осуществлялось откровение Божие в ветхозаветном законе и эллинской философии, завершившееся, когда "настала полнота времен", воплощением Христа. В качестве божественного разума Логос является учителем и законодателем человечества. Истинное христианство заключается в знании, а знание взаимосвязано с верой.

Так как Бог посадил хорошие семена истины во все Свои разумные создания, Климент был уверен, что мы многому можем научиться из метафизики Платона, из этики

стоиков и из логики Аристотеля, в каждой из которых находятся элементы богопознания. Вся истина и все добро, где бы мы их ни обнаруживали, происходят от единого Создателя. В то же время Климент противостоял гностикам, искажавшим тварный мир, объявляя материю совершенно чуждой Верховному Богу, что и приводило либо к безумному аскетизму, либо к не менее безумному эротизму.

Климент всегда хотел быть и был членом Церкви, и многие его высказывания вполне согласуются с православной экклезиологией.

"Есть единая истинная Церковь, настоящая древняя Церковь, к которой принадлежат все праведники, исполняющие божественные повеления... Эта единая Церковь насильственно расколота еретиками на многие секты. По существу, в идеале, по происхождению, по превосходству мы говорим, что эта древняя католическая Церковь - единственная Церковь. Волею единого Бога через Единого Господа (Христа) эта Церковь приводит к единству веры, которая согласуется с соответствующими заветами или, скорее, с одним заветом, заключенным в различные времена... Превосходство Церкви, равно как и источник ее организации, зависит от ее абсолютного единства: она намного выше всего на свете, и нет ей ни соперников, ни равных... Есть одно учение апостолов и также одно Предание" ("Строматы", 7).

Ориген. Александрийская и антиохийская школы христианской мысли

Преемником Климента в катехетической школе стал **Ориген** (184-254), роль которого в истории христианства трудно переоценить. Его по праву называют основателем христианского богословия. По своим интеллектуальным данным и по объему проделанной им работы он был на голову выше всех раннехристианских мыслителей. Ориген был великим христианским философом, впервые предпринявшим серьезную попытку систематического объяснения христианства в категориях эллинской мысли. Он считал, что Церковь, утратившая контакт с людьми, спасение которых есть ее миссия, отказывается от своей католичности, превращается в секту.

Попытку сформулировать христианство в категориях, привычных для греческой аудитории, до Оригена сделал Климент Александрийский, учение которого сильно окрашено склонностью к гностицизму. Вообще любое переложение целостной системы взглядов на чуждый ей язык всегда чревато опасностью утраты или искажения ее смысла. Признавая в Оригене одного из величайших богословов всех времен, повлиявшего на все дальнейшее развитие христианской мысли, нужно признать, что на этом поприще он преуспел не вполне - его учение во многом отклонилось от основного смысла христианского откровения. Кроме того, в более поздние времена "оригенизм" дал начало многим другим разнообразным течениям, несовместимым с православием. Но тем не менее невозможно отрицать величие личности Оригена - и как замечательного христианского мыслителя, и просто как главным богословским трудом Оригена является книга "О началах". Книга

была написана в Александрии между 220 и 230 гг. Полный текст книги дошел до нас в латинском переводе конца IV в. Руфина Аквилейского. Глубоко почитавший Оригена Руфин, ввиду споров того времени о православности Оригена, сильно смягчил текст, а местами и искажил его. Правда, он сам в этом честно признался, написав, что он изменил ряд мест в книге, отразив в них более православные мысли, высказанные Оригеном в других сочинениях. Греческий перевод сохранился лишь в отрывках.

Богословская система Оригена яснее всего видна в его **космологии**.

Учение Оригена о сотворении мира является попыткой преодолеть логическое несоответствие между всеблагим и всезнающим Творцом и миром, полным зла, уродства и неравенства. Задача Оригена еще более осложнялась тем, что в своей теории он старался примирить библейское повествование Пятикнижия с Платоном, утверждавшим, что мир вечно проистекает от Бога. Так как Бог всемогущ и Творец всего, то, "если же кто-нибудь подумает, что были когда-нибудь века или протяжения времени... когда сотворенное еще не было сотворено, то... он покажет, что... Бог не был всемогущим и сделался всемогущим только впоследствии, когда явились существа, над которыми Он мог бы владычествовать" ("О началах"), следовательно, дело творения из ничего должно было происходить вечно.

По Оригену, до существования этого мира было бесконечное количество миров, и мирам после него также не будет конца. Наш мир движется к своему завершению, что подтверждается

тем, что "Единородный Сын Божий, бывший Словом и Премудростью Отца... смирил Себя и, приняв образ раба, сделался послушным даже до смерти..." ("О началах").

"В... начале Бог сотворил такое число разумных или духовных тварей (или... умов), сколько, по Его предвидению, могло быть достаточно... наперед определив некоторое число их" ("О началах"). Все они были совершенны (а так как наиболее совершенная форма - сфера, то сферичны), равны (ибо для платониста неравенство никогда не может сочетаться с совершенством) и одарены свободой воли: "Он был причиной всех тварей... всех, кого Он сотворил равными и подобными, потому что для Него не существовало никаких причин для разнообразия и различия. Но так как разумные твари... одарены способностью свободы, то свобода воли - каждого или привела к совершенству через подражание Богу, или повлекла к падению через небрежение. И в этом... состоит причина различия между разумными тварями... не от их воли или решения Создателя, но от определения собственной свободы (тварей)" ("О началах"). Так как эти "умы" совершили преступление, повлекшее к их падению, то, для возвращения в их прежнее состояние, они должны были очиститься. Для этой цели и были сотворены физические миры, чтобы, через тяжелое существование и борьбу, в существах пробудились бы стремление к блаженству и тоска по оставленному раю. "Ориген настаивает на том, что наш физический мир есть только результат, частью прямой, частью косвенный, нравственного падения духовных существ. В связи с этим, основываясь на сомни-

тельной этимологии ψυχή, от ψυχισθαί, Ориген утверждает, что первозданные духовные существа (νοῦς), охладевая в своей пламенной любви к Богу, становятся душами и ниспадают в область чувственного бытия" (В. Соловьев), а по восстановлении опять делаются νοῦς. Эту свою идею Ориген заимствовал у Филона.

Участь согрешивших душ зависит от степени их виновности: "Каждое существо само делается причиной своего падения, причём одно падает скорее, другое - медленнее, одно - больше, другое - меньше... Для этого существует праведный суд божественного Промысла, чтобы каждый мог получить по заслугам. Те умы, у которых доброе стремление к Божеству в той или иной степени возобладавало над противоположным, становятся ангелами, престололами, властями, херувимами, серафимами и прочими чинами небесных иерархий, живущими на планетах и занимающимися делами помощи людям; умы, в которых два противоположных стремления остались в некотором равновесии или колебании, становятся людьми" (человечество, по Оригену, в свою очередь, делится на плотское, душевное и духовное, опять же в зависимости от нюансов грехопадения); а те умы, которые решительно отвратились от Бога и "впали в такое непотребство и злобу, что сделались недостойными того наставления или научения, которым наставляются и научается человеческий род в своем плотском состоянии, пользуясь помощью небесных сил" ("О началах"), сделались дьяволом и ангелами его. И, конечно, для всех, находящихся в телах плоти, степень тяжести всего их существования и обстоятельство, в каждом отдельном случае, дана в соответствии с тяжестью первоначального греха."

(Продолжение в №48)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru
Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.